

УРОКИ НРАВСТВЕННОСТИ: ТРУДНОСТИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Тема нравственного воспитания детей и молодежи, нравственных оснований политики, нравственных критериев в литературе и искусстве в последние годы является не только предметом теоретических дискуссий, но и прочно входит в практику жизни нашего общества, в том числе и в жизнь школы. И эта практика вскрывает трудности.

Первая из них – это внутренне сопротивление нравственному закону, который преподается на уроках нравственности. Особенно это заметно на подростках и старшеклассниках. Что происходит? Мы ведь помним евангельское «Будьте как дети». «Если не будете как дети, не войдете в Царство Небесное». Но наши дети гораздо охотнее тянутся к тому, что связано с насилием, богатством, развратом, греховным наслаждением. Это означает, что по детству наших детей нанесен страшный удар. Они подверглись соблазну «духом времени».

С некоторых пор понятие «дух времени» воспринимается как уже само по себе положительное, так как исповедующий такой дух человек считает себя современным, креативным, позитивным, «шагающим в ногу», соответствующим мейнстриму и т.п. Однако христианская традиция призывает нас быть в этом отношении более осторожными. Апостол Иоанн Богослов предупреждает: «Возлюбленные! Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они» (1 Ин.4:1). Потому что очень легко нарваться на «духа заблуждения (в ц.-сл.: духа лестча) .., о котором вы слышали,

что он придет, и теперь есть уже в мире» (1 Ин.4:2-3). О том же говорит и апостол Павел: «Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы нам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная» (Рим.12:2). То есть, нравственное воспитание, которое учит человека познавать, что есть воля Божия, и поступать сообразно ей, обязательно войдет в противостояние с «духом века сего».

Этот «дух времени» обладает огромной привлекательностью, особенно для детей и молодежи. И мы должны ясно понимать, что он собою представляет, куда зовет, каков его вектор развития в настоящее время. Что же он собою представляет этот «дух времени»? Прислушаемся к тому, о чем он говорит. Для этого обратимся к знаковым событиям в области культуры, политики, науки. И начнем с конкретного примера.

В 1952 году американец Джон Кейдж представил публике трёхчастное сочинение для вольного состава инструментов, которое называлось «4.33». 4.33 – это продолжительность произведения: 4 минуты 33 секунды. На всем протяжении «исполнения» музыканты не извлекают никаких звуков из своих инструментов. А содержание каждого фрагмента – звуки окружающей среды, которые прозвучат за это время. Это действие символизировало «смерть музыки».

Такого рода «произведения» в большом количестве стали появляться в музыке, живописи, скульптуре, театре. Встал вопрос: что это – поиски новых путей в искусстве или нечто другое? Сами производители подобной продукции часто уверенно заявляли, что

они – не искусство, они – смерть искусства. Они сталкивали в своих действиях то, что имеет отношение к искусству, и то, что его убивает. А убивает искусство его сопоставление с какой-то измененной реальностью. Еще Станиславский в свое время, как бы предупреждая о подобных экспериментах, говорил, что он может очень легко разрушить игру самых талантливых актеров. Предположим, на сцене появляется Василий Иванович Качалов. За ним закрывается занавес. Актер начинает свой монолог. В это время Станиславский подходит к кулисам с обратной стороны, просовывает сквозь них свою голую ногу и начинает шевелить пальцами. Спрашивается: на что будут смотреть зрители в зале – на игру Качалова или на эту ногу? Конечно, на ногу. Искусство театра убито реальностью, которая ниже искусства.

Именно это происходит в современном театре. Известный актер театра и кино Олег Валерианович Басилашвили, который недавно отпраздновал свое 80-летие, говорит, что он как актер обязан всем великому режиссеру Ленинградского БДТ Георгию Александровичу Товстоногову, сосредоточившему в себе лучшие традиции отечественного театра. Олег Валерианович вспоминает, как Товстоногов ставил классику театра – пьесы Чехова «Дядя Ваня», «Вишневый сад», «Три сестры» и другие. Как через игру актера открывалась душа чеховского персонажа. «Сейчас люди, якобы, борются за новое искусство. На самом деле это не новое искусство, а просто неумение работать с актером. На это неумение нанизано, как на шампур, желание показать, какая у меня фантазия и какой я талантливый. И вот – три сестры – это не сёстры, а на

заднем плане стоят офицеры голые. А почему голые? Отвечают: они не защищены. Но незащищенность надо искать так, как искал Товстоногов, искал во взаимодействии актеров с другими персонажами, другими ролями. А не просто их раздеть! А в современном театре меня больше всего огорчает так называемая ‘концептуальная режиссура’, когда режиссер берет пьесу не для того, чтобы выразить суть произведения, а для того, чтобы показать насколько он оригинален и талантлив в понимании того или иного автора».

То, что огорчает Олега Басилашвили, сегодня, в «духе времени», называется «концом искусства». Именно так охарактеризовал в середине 80-х гг. XX века состояние искусства известный американский искусствовед и философ Артур Данто. Смысл «конца искусства» он видел в невозможности дальнейшего существования искусства в прежних категориях, предписывавших бытию *определенный канон существования*. Для искусства не должно быть строго обязательных форм. «Пришло понимание, что смысл искусства невозможно постичь на основе *шаблонов*, и что различие между искусством и не-искусством лежит в поле *не визуального, но концептуального*». Данто констатировал «смерть искусства», ориентированного только на отражение истинной природы.

Здесь вспомним призыв апостола Иоанна Богослова испытывать духов, от Бога ли они? Восстание против того, чтобы признавать существование истинной природы всего – это восстание против христианского понимания мира как творения Божия, где

Творец всему дал сущность, логос, смысл. Познание сущности – это путь творчества, в котором особое место занимают образцы, каноны. Их-то Данто и называет уничижительно «шаблонами», которые следует отбросить ради абсолютной и ничем не направляемой кроме фантазии автора свободы самовыражения. Для того, чтобы отбросить образцы, каноны, следует отбросить Творца. Данто это легко было сделать. Здесь он является продолжателем героя своей первой книги «Ницше как философ». Именно Ницше в конце XIX века стал устами «духа времени», в который вошла западноевропейская цивилизация, объявив, что «Бог умер». Но если Бога нет, всё дозволено, о чем пророчески писал Ф.М.Достоевский в романе «Братья Карамазовы».

Вслед за концом искусства последовало признание конца истории. Именно под таким названием «Конец истории?» в 1989 году вышло нашумевшее эссе известного американского философа японского происхождения Фрэнсиса Фукуямы. И если в названии эссе еще стоял вопросительный знак, то следующая его книга, изданная в 1992 году, уже называлась утвердительно «Конец истории и последний человек». Фукуяма понимал наступивший, по его мнению, конец истории не в свете христианской эсхатологии, а в том смысле, что все, прежде поступательно двигавшие историю факторы, перестали играть свою роль. Отсюда многие сделали вывод, что мир вступил в некий этап постистории или постсовременности, где уже не играет роль классическая культура, философия, политика.

Постсовременность заявляет о кончине многих традиционных институтов человечества. Например, таких, как национальное государство. Генри Киссинджер, известный политолог, бывший госсекретарь США, автор многих книг по международным отношениям, говорит о смерти Вестфальской системы. Напомню, что Вестфальская система – это система международных отношений, созданная в Европе на основе Вестфальского мира по итогам Тридцатилетней войны (закончилась в 1648 году). Её основные принципы:

- принцип государственного суверенитета
- приоритет государств-наций
- приоритет национальных интересов
- право требовать невмешательства в свои дела
- равенство прав государств.

Смерть Вестфальской системы подразумевает смерть национальных государств, приоритет интересов транснациональных корпораций. Одновременно сегодня констатируется конец действия системы международного права.

И вот среди всех этих «концов» все громче, в «духе времени», звучит мысль о том, что наступил конец и таких институтов, как семья, мораль, религия. И не только мысль. Активно, даже можно сказать агрессивно и быстро эти идеи становятся реальностью. Например, в Европе всюду идет процесс разрушения семьи через ювенальную юстицию. Утверждаются в статусе семьи однополые браки, в связи с чем происходят изменения ключевых понятий семейного права, таких как «отец» и «мать» (вместо них «родитель

№ 1, и родитель № 2). Христианские традиции, якобы, оскорбляющие чувства неверующих или представителей иных религий, стремительно изгоняются из публичной сферы в частную жизнь.

И здесь открывается смысл всех этих «концов». Они сходятся в единую точку, которую принято называть концом проекта «Человек». Постсовременность подразумевает постчеловека. Что это означает?

Постсовременность предлагает человеку новую опору. Она, по словам философа, - «империя низа», империя расчеловеченного потребителя с заниженными потребностями. Вот тот контекст, в котором мы приступаем к нравственному воспитанию. Идет наступление на самую возможность утверждения о том, что могут существовать общепринятые нормы морали. Это и есть постсовременность. «Если Бога нет, всё возможно человеку». Происходит не просто изменение ценностей. Объявляется тотальная война ценностям как таковым.

Здесь есть еще одна важная деталь. Человек – творение Божие. В нём живут духовные, культурные потребности, заложенные фактом творения. Их нельзя просто так поменять в человеке, потому что он – человек. Их можно только убить, вырвать с корнем и на смену принести то, что корней не имеет. Но, как образно выразился один современный богослов, глубокие корни имеет дерево. И чем глубже корни, тем выше дерево. Зато плесень не имеет корней. Вместо вырванного с корнем дерева что получает душа взамен?

Что мы можем противопоставить этому мощному и столь притягательному влиянию? Что может наполнить нашу нравственную педагогику силой? Что нам надо донести до детей, чтобы нравственный строй их души получил крепкую опору?

В одном из романов Габриэля Маркеса рассказывается об обществе, постепенно теряющем память. Люди стали забывать историю, свои родовые корни, своих жен и детей, как их зовут, адрес своего дома, забывали всё. И эта слабеющая память делает их деградирующим обществом. Чтобы спастись от болезни, они стали ко всякому предмету прикладывать таблички с названием и способом употребления. А в центре города, на главной площади водрузили плакат со словами «Бог есть».

Вот эта простая и важнейшая истина – Бог есть – единственная, которая дает нравственности глубокие корни. Вернуть эту истину нравственному воспитанию – главная задача. Потому что есть соблазн говорить о нравственности без духовности, а о духовности – без Иисуса Христа.

Стоит только убрать из системы нравственных координат Творца, как нравственность теряет свое основание и становится предметом различных трансформаций. Так было в нашей стране. Было по-разному. Например, в лихие 20-е формулируются «заповеди общества победившего пролетариата»:

«”Не убий” было ханжеской заповедью, пролетариат подойдет к этому правилу строго, по-деловому. Убийство злейшего, неисправимого врага революции, убийство, совершенное организованно, классовым коллективом по распоряжению

классовой власти, во имя спасения пролетарской революции – законное этическое убийство.

“Чти отца и мать”, - пролетариат рекомендует почитать лишь такого отца, который стоит на революционно-пролетарской точке зрения. Других же отцов, враждебно настроенных против революции, надо перевоспитывать: сами дети должны их перевоспитывать. Интересы революционного класса важнее блага отца. (из книги Арона Борисовича Залкинда, советского врача и психолога – середина 20-х гг. XX века).

Со временем крайности отпали. Но осталось главное: вера в то, что высокая нравственность может существовать без Христа. Например, моральный кодекс строителя коммунизма.

Вспомним: в Евангелии рассказывается о том, как некий книжник спрашивал Иисуса Христа о главной заповеди. Христос в ответ Сам спросил книжника, что он понял об этом, читая Писание? И книжник сказал, что есть две заповеди: первая: возлюби Бога всем сердцем, всею душою, всем помышлением своим; и вторая: возлюби ближнего своего, как самого себя.

Что такое коммунистическая нравственность? Отбрасывание первой заповеди и принятие второй: Бога нет, а вот ближнего надо любить. Но на чем будет держаться вторая заповедь, если нет первой? Роль фундамента возложили на идеологию, литературу, искусство. Однако без Бога все заповеди теряют свое основание. Они имеют силу нравственного закона только потому, что даны Богом.

И здесь мы возвращаемся к урокам нравственности в школе. Что может сделать наши усилия по нравственному воспитанию действенными? Возвращение нравственному воспитанию его единственной опоры – Бога. С чего начинать? Не с методичек, учебников и курсов по повышению квалификации. «Стяжи Дух мирен и вокруг тебя спасутся тысячи». Где ты по отношению ко Христу? Можно разработать урок, соответствующий всем требованиям ФГОС и нанести непоправимый ущерб нравственности, оказаться в положении экскурсовода в храме во время богослужения.

Чтобы говорить о христианской нравственности, нужно ввести Христа в свою жизнь, и Он поможет рассказывать нашим детям о Нем и данных Им и исполненных Им же заповедях. Ведь наши дети не только слушают, что мы говорим, но и умеют прочувствовать – каковы мы, говорящие о христианских добродетелях. Мы можем дать им повод для недоумения: если Христос есть, почему тогда педагог, воспитатель, живет так, как будто Христа нет, и говорит при этом о духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения?

Как ввести Христа в свою жизнь? Только через участие в жизни Церкви. «Кому Церковь не Мать, тому Бог не Отец».

Тогда уроки нравственности превратятся в свидетельство. Учитель не рассказывает. Он свидетельствует о необходимости соблюдения нравственного закона, потому что это не вопрос «быть хорошим или быть плохим», это вопрос жизни и смерти.

Только такой педагог может противостоять «духу времени» как воин Христов, а не просто сожалеть и причитать по поводу того, что все плохо и все становится хуже. Нам не дано одержать глобальную победу в рамках земной истории. Но нам дано одержать личную победу и помочь нашим детям стать победителями.